

Въ глубокой древности Бѣарія или Перія, которую составляла эта губернія, была населена разными племенами народовъ, корни которыхъ были Финны. Въ XI вѣкѣ Пермь, Югра и были Финны. И дань Новгородцамъ—этими Печера плати и дань Новгородцамъ—этими Печера плати и предпринимавшимъ искателямъ (главы и сѣдла) и предпринимавшимъ искателямъ (главы и сѣдла) и богатства. На берегахъ Двины въ это время существовалъ богатый торговый городъ—Голмгородъ, славный по ярмаркѣ, на которую привозили купцы Скандинавскіе и Новгородскіе.

Въ Голмгородѣ Норвежскіе купцы Пиреръ и Карль, посланные для торговли въ Бѣарію своимъ королемъ Олофомъ, современникомъ Ярослава, ограбили кладбище и обокрали Финскаго бога. Название этого божества чисто финское; въ переводѣ на русскую языкъ значить: старая, сварливая, неуклюжая женщина, подъ видомъ которой изображалось, какъ извѣстно, это параше, грозное божество. Зыряне и нынѣ употребляютъ это слово, когда хотятъ указать на злую, безобразную старуху: «баба какъ лѣсъ»—сердита, зла, какъ лѣсъ.

Очень можетъ быть, что до принятія Христіанской вѣры Зыряне боготворили идола Голму—въ чемъ убѣждаютъ насъ и темное народное преданіе о богахъ языческихъ этого народа; а однакая вѣра, выражающаяся въ поклоненіи однихъ и тѣхъ же идоловъ у племенъ, дали весьма близкое понятіе о ихъ средствахъ. На этомъ основаніи очень естественно, что родичи Зырянъ есть Финны, которые разселавшись на огромномъ пространствѣ сѣвера, могли быть вслѣдствіе бурныхъ перемѣнъ и междоусобицъ браней, разошлись на разные племена. Сравнивая языки Зырянъ и Финновъ действительно мы замѣчаемъ поразительное сходство въ словахъ того и другого и тѣмъ болѣе убѣждаемся въ родственности этихъ народовъ, что нравы и обычаи ихъ совершенно сходны между собою.

Зыряне, насчитывая отъ предковъ своихъ простоту нравовъ, до введенія Христіанской вѣры не пользовались выгодами правленія благоустроеннаго, не терпѣли ограниченной вольности, строго наблюдали древніе обычаи и преданія и только въ опасностяхъ сходились на совѣтъ, гдѣ нѣредко дерзость и насилие брали верхъ надъ благоразуміемъ и справедливостію. Волхвы, которымъ поручали Зыряне совершеніе своихъ религиозныхъ обрядовъ, не пользовались любовью народа, напротивъ, присвоенная имъ власть не только ограничивала свободу народа, но простиралась даже и на собственность.

На страницахъ исторіи Зыряне подъ своимъ именемъ являются въ половинѣ XIV столѣтія, когда Стефанъ началъ проповѣдывать имъ истину Христіанской религіи. Они жили тогда уже осѣло, занимались земледѣліемъ, но болѣе звѣриными и рыбными промыслами и, бывъ въ зависимости отъ Новгорода, а потомъ отъ Москвы, платили имъ дань пушными товарами.

Нынѣ Зыряне, особенно тѣ изъ нихъ, которые живутъ около Печеры, остались такими же промышленниками, такими же сынами лѣсовъ, какъ и отдаленные предки ихъ. Правда самый край, по естественному положенію своему, долженъ быть по преимуществу промышленный; но въ сожалѣніи промышленность жѣстныхъ жителей, хотя дѣятельная и, можно сказать, изобильная по массѣ произведеній, мало приноситъ имъ пользы, скудно надѣла пастушескимъ кускомъ хлѣба. Жители зырянскаго края изобилуютъ многими сортами очень вкусной рыбы, рабчиковъ, бѣлки, росомахи, черной-бурой лисицы селятся въ дѣлѣхъ лѣсахъ, раскинувшихся на громадныхъ пространствахъ и Зырянскія не окупаются ни одной изъ отраслей промышленности: соорудивъ съ временемъ года и съ окружающей его жѣстостью, не рѣдко пребываетъ значительная растоянія въ промысловыхъ занятіяхъ, почти никогда не возвращаются безъ хорошей добычи, и однако радъ, радъ, если разживется потребною суммою для уплаты податей и повинностей, да поудобной пропорціей скуднаго хлѣба для своей, иногда многочисленной семьи.

Это вѣчные труженики, вѣчные рабы пужды и даже тогда, потому что ни отличительная работа, ни обиліе пшны не могутъ замѣнить для нихъ предмета первой потребности—хлѣба, который они получаютъ за очень высокую цѣну.

Вотъ кто таковы Зыряне, нѣсколько преданій которыхъ я желаю разсказать моимъ читателямъ.

I.

ИГЪ—МОРТЬ

(Лѣсной человекъ)

Дикъ и малолюдный отдаленный край Запечерья; но нельзя сказать, чтобы онъ былъ вовсе обиженъ природою; тамъ есть и горы высокія и широкіе луга, и лѣса дремучіе, тамъ есть озера и рѣки и даже каскады, все, что вамъ угодно. Кроетъ теплаго южнаго солнца, да обь немъ и не тужатъ вскорлениые на сѣбѣхъ суровые обитатели сѣвера.

Какая тамъ прелестная жѣстость рѣчки Кучи: называлась между лѣстными берегами, прадаетъ эта рѣчка, быстрая и прозрачная, по камнямъ и, протекая значительное пространство по мѣстамъ пустыннымъ, вливается въ рѣку Ижму, въ подуверствѣ отъ Ижмѣнскаго селенія. Одинъ берегъ этой рѣчки, возвышенный и бурный, весь обросъ лѣсомъ: кудрявыя сосны и мрачныя ели склонились вершинами къ водѣ и смотрятъ въ сѣбѣхъ струи; жѣстами, на наволокахъ, видны зеленые кусты ольхи, ивы и черемухи. Другой берегъ низменный, чистый и ровный: на немъ привольно раскинулись широкія пожни, изрѣзаны поляны, доломками и лугами, между которыми вьются проселочныя дороги.

Подлѣ одной изъ этихъ тропинокъ возвышается небольшой холмикъ или курганъ, покрытый разнѣхъ древесныхъ хлѣмомъ. Весной, проходящій мимо этого холмика, непременно долженъ поклониться и бросить на него камень, суку, палку, или что бы-то нибудь. Это обыкновеніе ведется съ незапамятныхъ временъ и жѣстными жителями обратилось уже въ привычку. Кто пренебрежетъ исполненіемъ такого обряда, то старики какъ разъ и осудятъ за неуваженіе отеческихъ обычаевъ: «не видать ему добра, говорятъ они, онъ даже не плюнетъ на могилу Игъ-морта».

Объ этомъ холмикѣ много странныхъ басен ходитъ въ зырянскомъ народѣ. Старикъ увѣряетъ, что въ прежнія времена, въ осенніе темныя ночи заволадевали люди вѣтрѣхъ часто ужасныхъ страшилищъ, бродящихъ около кургана, а самый курганъ обнимался синеватымъ пламенемъ и не рѣдко слышались не человѣчскія воли и завыванія. Женичины и дѣти и тебѣ, отъ души вѣрять подобнымъ разсказамъ своихъ почтеннѣхъ дѣдушекъ, и боится приблизиться къ заколдованному кургану: они далеко обходятъ это страшное жѣсто. Но въ чести молодыхъ мужчинъ—можно замѣтить, что они не очень-то довѣряютъ преданію старины и мало поддаются ребяческому суевѣрному страху отъ чудесныхъ разсказовъ.

Этотъ страшный курганъ, надъ которымъ такъ витала дикая фантазія зырянскихъ предковъ, есть могила Игъ-морта, лѣснаго человека, преданіе о которомъ говоритъ слѣдующее:

Въ самыя отдаленныя времена, когда еще на берегахъ рѣкъ Печеры и Ижмы разсѣянно жили полудикіе племена зырянскихъ родичей, и не зная хлѣбобашества, питались отъ промысла звѣрей и рыбы, когда они еще не знали истиннаго Бога, и поклонялись богамъ каменнымъ и деревяннымъ, на берегахъ рѣчки Кучи въ дремучемъ лѣсу, окружающемъ одно изъ селеній, появился необыкновенный человекъ, такой человѣкъ, который если по лѣсу шель—руками сосны разводилъ, голодомъ говорилъ—буный вѣтеръ заглушалъ. Это былъ Игъ-мортъ. Ужасную образину имѣлъ этотъ господинъ: обросшее черными волосами лицо, кровавые глаза и медвѣжья шкура, изъ которой сшитъ была его верхняя одежда, дѣлала вели-

кана похожимъ скорѣй на звѣря чѣмъ на человека. Никто не зналъ откуда пришелъ на берега Кучи это чудовище. Обыкновенно говорили, что Игъ-мортъ выросъ вмѣстѣ съ дремучими лѣсами. Запечерья и ему было столько же лѣтъ, сколько и этимъ лѣсамъ. Жилъ онъ одиноко, въ неприступныхъ мѣстахъ, за непроходимыми болотами, и появлялся между зырянскими селеніями только для разбоя и убійствъ.

(Продолженіе будетъ.)

II.

О ВЪЯВЛЕНІЯ.

!! САМЫЙ ДЕШЕВЫЙ МОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ!

4 руб. безъ доставки, 5 руб. 75 коп. съ пересылкою.

Съ 1-го Декабря 1866 года выходитъ

ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ:

МОДЫ И НОВОСТИ

ИЛЛЮСТРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ

по слѣдующей программѣ:

1) ЧЕТЫРЕ номера въ мѣсяцъ, то есть два номера въ мѣсяцъ или 24 номера въ годъ, собственно журнала «МОДЫ И НОВОСТИ».

2) Два номера въ мѣсяцъ или 24 номера въ годъ ЛИТЕРАТУРНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ.

3) Одинъ разъ въ мѣсяцъ будетъ прилагаться РАСКРАПЕННАЯ ВОЛЫШАЯ КАРТИНКА ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ, исполненная собственно для нашего изданія въ ПАРИЖѢ, и

4) Одинъ разъ въ мѣсяцъ ВОЛЫШОЙ ЛИСТЪ ВЫКРОЕКЪ И УЗОРОВЪ для вышиванія.

Чтобы доставить русскою публикѣ самыя послѣднія моды одновременно съ появленіемъ ихъ за границей и чтобы изданіе наше отличалось НАРУЖНЫМЪ ИЗЯЩЕСТВОМЪ, русскія къ журналу «МОДЫ И НОВОСТИ» будутъ печататься ЗА ГРАНИЦЕЮ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНОМЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА «МОДЫ И НОВОСТИ», у Гг. ГОШЕ и КОРНФЕЛЬДЪ въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой въ домѣ № 16, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ по 4 р.: въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Соловьева (на Страстномъ бульв., въ домѣ Загряжскаго) по 4 р. 75 к. въ годъ безъ доставки и 5 р. 75 коп. съ пересылкою.

Редакторъ и издатель И. А. Соломкинъ.

У издателя «ВСЕОБЩАГО КАЛЕНДАРЯ», ГОШЕ и КОРНФЕЛЬДЪ,

выйдетъ въ свѣтъ

ВЪ НАЧАЛѢ ЯНВАРЯ 1867 ГОДА

ПОЛНАЯ АДРЕСНАЯ КНИГА

ЖИТЕЛЯМЪ ПЕТЕРБУРГА.

СОДЕРЖАЩАЯ БОЛѢЕ 200,000 АДРЕСОВЪ ВЪ ДВА АЛФАВИТА:

однѣ по фамиліямъ, а другой по промышленамъ и занаятамъ. Издается въ ограниченномъ количествѣ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

I.

ЗЫРЯНОСКІЯ ПРЕДАНІЯ.

I.

ЯГЪ—МОРТЬ

(Лѣсной человѣкъ)

О К О Н Ч А Н І Е (*)

Одно имя Ягъ-морта наводило страхъ на окрестныхъ жителей. Сохранилась пѣсня, которую поютъ Печерскіе Зырянки, пугая въ ней Ягъ-мортами неутомимыхъ дѣтей:

„Ягъ-мортъ ѣдидь, кыдъ
буръ козь,
„Ягъ-мортъ сидъ, кыдъ
пацъ пѣвъ.
„Эъ! Сбръдъ, цю! Ягъ-мортъ
воасъ,
„Кутонъ—борды тою (васъ)“

Для нападеній своихъ Ягъ-мортъ выбираетъ темныя ночи, при чемъ поджигаетъ деревня и въ общей суматохѣ пожара безбесновало, сколько того кровожадная душа его хотѣла. Онъ уводилъ женъ и дѣтей, угонялъ скотъ или просто рѣзалъ его на мѣстѣ. Ненависть Ягъ-морта ко всему живущему доходила до того, что онъ часто безъ всякой надобности убивалъ ветрѣнаго и поперѣнаго. Зыряне, выведенные изъ терпѣнія злодѣйствами разбойника, старались всѣми способами извести его. Они прииспособлялись ловить его, какъ дикаго звѣря, т. е. строили засады, выкопывали громадыя ямы, но ничто не помогало: на хитрость Ягъ-мортъ былъ самъ хитрей, открытая-же схватка съ нимъ была не по плечу робкимъ мѣшковатамъ Зырянамъ; во всемъ Заспечерье не находилось молодца, который-бы осмѣлился помѣряться съ нимъ силами. Къ тому-же Ягъ-мортъ слылъ въ народѣ великимъ колдунимъ: оспу, болѣзни всякія, скотскія надежы, бездѣдіе, безвѣтріе, лѣсные пожары, вообще разныя физическія бѣдствія и необыкновенныя явленія природы суетверныя Зыряне приписывали мрачнымъ волшебствамъ Ягъ-морта. Онъ повелевалъ стихіямъ, покрывалъ солнце, луну и звѣзды и, по повѣніямъ народа, не было предѣла темному могуществу чародея-разбойника, и потому онъ чудился себѣ на полной свободѣ въ мрачныхъ лѣсахъ Заспечерья.

Разъ у старинны двои изъ зырянскихъ селеній пропала безъ вѣсти единственная дочь, красавица Райда. Это была такая дѣвка, какой еще не выдвѣла между Зырянами. Проходитъ день, два, проходитъ дѣлая недѣля—Райды нѣтъ какъ пѣтъ! Мать ея выпалакъ глаза отъ слезъ, отецъ съ женихомъ своей дочке выходили всѣ ближайшія селенія, всѣ лѣса окрестные, ноне нашли ни гдѣ Райды. Вотъ кликнули кличъ, созвали народъ на совѣтъ, объявили свое горе—и всѣ, отъ старато до малата, рѣшили общимъ голосомъ, что Райда самой не гдѣ потеряна, а что это должно быть дѣло Ягъ-морта: вѣроятно онъ похитилъ зырянскую красавицу и улеветъ ее въ свою звѣриную берлогу. А на Ягъ-морта кого просить? Гдѣ на него судъ найдети? Погибла Райда! Таеъ потосковали, потужили и разошлись по домамъ, ане сдѣлавъ ничего путаго.

Но неудовольствовался этимъ рѣшеніемъ удалой женихъ Райды, онъ съ прочею молодежью, своими товарищамъ, снова кликнувъ кличъ, возводило все Заспечерье, собралъ нѣсколько удалцевъ и въ общемъ совѣтѣ положили, по что бы то ни стало отыскать жилище Ягъ-морта, схватить его живаго или мертваго, извести окаяннаго колдуна или самизъ погубити! Составилось ополченіе: ратники вооружились стрѣлами, копьями, пѣшиными, виллами, кто чѣмъ могъ, и двинулись въ походъ сто противъ одного. Хоть ихъ и много было, но не безъ страха ожидали они встрѣчи съ Ягъ-мортѣмъ, съ силачемъ, разбойникомъ и колдуномъ. Нѣсколько сутокъ прошло въ напрасныхъ поискахъ злодѣя; плгдъ онъ не попадался Зырянамъ; но они и не думали отступать отъ своего нахѣренія; о возвращеніи домой не было и слова. Помолъ они на тропу Ягъ-морта по направленію къ рѣкѣ Ижмѣ. Долго искали они (ѣ и наконецъ въ темной, дремучей лѣсу попали на торную дорожку, пробитую чудовищными ногами колдуна. Зыряне рѣшили, что онъ-чужой долженъ ходитъ по этой дорогѣ и засѣли близъ нея, въ густую тѣщибу лѣса, на угорѣ рѣки Ижмы. Долго-ли, коротко-ли находились они въ засадѣ, и вотъ омажди видать—Ягъ-мортъ переходитъ въ бродѣ рѣкѣ Ижму, приеховью противъ того мѣста, гдѣ сиротались товарищи. Тутъ вѣрно не одно зырянское сердце ушло въ патики и замерло тамъ отъ страха, но отступать было уже поздно: Зыряне волей или неволей а должны были сдѣлаться храбрыми, и лишь только Ягъ-мортъ ступилъ на сухой берегъ—копья, стрѣлы, камни градомъ помоспались изъ чащи лѣса въ его мохнату шкуру. Озадаченный первыми ударами, разбойникъ на минуту остановился, но не отступилъ ни шагу.... Онъ грознымъ, кровавымъ своимъ взглядомъ искалъ враговъ въ чащѣ лѣса и измѣрять пространство, отдавшееся его отъ нихъ; а удары непрерывно сыпались на его грудь и голову, стрѣлы вонзались въ бока и даже въ лицо.... Наконецъ изрѣвъ Ягъ-мортъ, взмахнулъ тяжелой своей лавиной, ворвался въ средину нападающихъ и пошелъ косятъ направо и налево. А Зыряне не отступили, окружили его со всѣхъ сторонъ, разили разбойника, кто какъ могъ—и началось страшное побоище! Ягъ-мортъ долго съ необычайнымъ ожесточеніемъ и сильно отбивался отъ многочисленной толпы противниковъ, налива его разномыслие многого головъ, многихъ изуродовала на смерть, но изнемогъ-же онъ и самъ; усталость и раны до того его обезсилили, что онъ грянулся на землю. Тогда товарищи схватили Ягъ-морта, отбили ему руки, грозили смерти и голову, если онъ не откроетъ имъ своего жилища. И вотъ обезоруженный и изуродованный силачъ—колдунъ долженъ былъ покориться волѣ своихъ побѣдителей. Онъ повелъ ихъ далѣе, въ чащу лѣса, гдѣ на высокомъ откосѣ берегу рѣки Кучи выкопана была просторная пещера, ублаженіе великаго Ягъ-морта. Неудалеку отъ входа въ пещеру, на большой грядѣ разнаго хлама и костей лежалъ полусгнившій тушъ человѣчскій.. Это были обезображенные останки нѣкогда прекрасной Райды. Во внутренности пещеры Зыряне нашли множество разнаго добычи, сложили (ѣ въ стѣну и сожгли, а страшный притѣвъ Ягъ-морта засыпалъ землею, забросали камнями и завалили бревнами. Затѣмъ привели обратно своего плѣнника на то мѣсто, гдѣ съ нимъ бился, отрубили ему голову и закопали разбойника въ табуковую яму, обвѣсивъ основной колъ въ сину. Основной колъ играетъ важную роль во всѣхъ древнихъ преданіяхъ сѣверныхъ народовъ о чародействѣхъ и волшебникахъ. Онъ въключивается въ сину чародея для того, чтобы онъ не ожилъ. Надъ могилою Ягъ-морта сдѣлали насыпь ввидѣ кургана; это и есть тотъ самый холмикъ, который пугаетъ сѣверныхъ Зырянь въ темныя осеннія ночи то сивнатымъ огонькомъ, то дикими раздирающими завываніями.

II.

МОРТЬ—ЮРЬ.

(Человѣчья голова.)

Рѣка Печера при входѣ изъ Пермской губерніи въ Вологодскую, въ тридцати верстахъ отъ замѣненной въ томъ краю Якиминской пристани, называется въ лѣсѣ съ правой стороны р. Ынды—*Малою Печерою*. Ынды—проходитъ въ Печерѣ отъ Уральскаго хребта и, не уступая этой послѣдней въ обилии водъ, увеличиваетъ ее болѣе нежели вдвое. Послѣ впаденія быстрой и прозрачной Ынды, Печера уже называется *большою*. Въ Ындѣ около полутора ста верстъ отъ впаденія ея въ Печеру, является небольшая, извилистая и быстрая рѣчка, Мортъ-юръ, предметъ нашего преданія.

Берега Мортъ-юра гораздо возвышеннѣе береговъ Печеры и Ынды, почва ихъ крѣпче, что отражается и на растительности: топча ели закрываются здѣсь кудрявыми соснами, а вмѣсто кедровъ растутъ красивыя лиственницы, высоко возносящія свои вершины къ небу; только изрѣдка трогаядываютъ болота, покрытые мохомъ или сѣловникомъ.

Мортъ-юръ значить *человѣчья голова*. Давно, очень давно тому, рѣчка эта была безымянная. На берегахъ ея началъ появляться безродный человѣкъ, съ тѣхъ поръ она и получила названіе „Мортъ-юръ.“ Почему появлялся безродный человѣкъ на берегахъ игривой рѣчки—разсказываютъ слѣдующее преданіе:

Когда то два товарища—промышленники охотились тутъ на птицъ и разнаго звѣря. Одному изъ нихъ случилось необыкновенно много убить оръ рабчиковъ, кунитъ, бѣлокъ, даже нѣсколько штукъ соболей хранились у него въ потаенномъ чумѣ съ своими мѣстами. Другому вове неспасивало: измученный, усталый и постоянно съ пустыми руками возвращался онъ на мѣсто ночлега и, видя необыкновенную удачу своего товарища, началъ сильно завидовать ему. Кончилось тѣмъ, что неудачно охотившійся промышленникъ убилъ своего товарища въ то время, когда тотъ наклонился на рѣчкѣ пить, отрубилъ ему голову, далеко забросилъ (ѣ въ чащу лѣса, а тушъ столкнулъ въ воду. Съ тѣхъ поръ безблудный человѣкъ плещетъ въ темныя осеннія вѣчи своей головы, пугая случайно заходившихъ на Мортъ-юръ промышленниковъ.

Прозвѣстный исходъ этой преданія мы разскажемъ со словъ Ю. А. В., путешествовавшего въ Печерской области для лѣсныхъ развѣдокъ.

Мы сказали, что поиски головы производятся безвѣстными бродягой въ темныя осеннія ночи.

Въ болѣеши широтѣхъ лѣтнія ночи почти не примѣтны: читать очень мелкую печать можно чѣмъ стуж; но осенью, въ самыхъ дѣль, nochъ бывають до того темныя, что имъ нечего заводить даже замѣнительныхъ воробышекъ ночью мало-россии. Можете-же представить каковъ мракъ покрываетъ воды маленькаго рѣчки, извѣстно текущей по дремучему лѣсу и надъ которой между деревьями прорѣзывается только узенькая полоска небеснаго свода. Небесный-же сводъ въ эту пору не теплится ни одной звѣздочкой, и биваетъ покрытъ густымъ слоемъ тучъ, изъ котораго сыплется не дождь, а какія-то чрезвычайной мелкія, частыя, насквозь проникающія капли.

Была уже глубокая осень, когда Ю. А. В. съ товарищемъ и четырьмя рабочими отправились вверхъ по Печерѣ, съ намышеніемъ сколько возможно далѣе подняться по Ындѣ и осмотрѣть рѣчку, въ ней впадающую, въ особенности Мортъ-юръ, гдѣ, какъ имъ сказывали, растетъ много хорошаго лѣснаго хлѣба. Имъ представило пробѣхать по Печерѣ до устья Ынды всевъ зырянскихъ чѣмостовъ или сорокъ верстъ, съ небольшимъ хвостикомъ, при переломѣ чѣмостовъ на версты.

низу, двѣ параллельныя—это ессауловъ, а потомъ еще сорокъ продольныхъ въ два ряда—это число разбойниковъ, составлявшихъ шайку. Объ этомъ кладѣ ходитъ въ народѣ особенная записъ.

Разсказавши преданія зырянскаго народа, въ заключеніе нужнымъ находимъ пояснить, что они при всей своей исторической недостоверности, все-же имѣютъ въ основѣ своей какое нибудь истинное событіе и слѣдовательно могутъ болѣе или менѣе служить къ объясненію древняго, какъ матеріальнаго, такъ и нравственнаго быта того или другаго народа.

А—свѣ.

II.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОИЗШЕСТВІЯ, СЛУЧИВШІЯСЯ ВЪ Г. ВОЛОГДѢ.

въ теченіи 2 половины Января мѣсяца 1867 г.

Вѣдѣнно умершіе:—1. 16-го Января лицомъ мѣщанина Ивана Романова представленъ въ 1 часть умершій въ пути временно-обязанный крестьянинъ Вологодскаго уѣзда, деревни Брагина, Александръ Васильевъ Зибеткинъ, 25 лѣтъ отъ роду; по врачебному осмотру открылось, что смерть Зибеткину послѣдовала въ слѣдствіе извѣстнаго употребленія питей.

2. 31-го Января въ одномъ изъ номеровъ торговыхъ бавъ мѣщанина Агафопова, изъ числа славшихъ работниковъ, временно-обязанный крестьянинъ Вологодскаго уѣзда, деревни Озеркова

Асикритъ Васильевъ Лебедевъ, 27 лѣтъ отъ роду, померъ въ слѣдствіе болѣзненнаго состоянія.

Кражи.—1. 25-го Января изъ балагана купца Пущкова покрадены самоваръ, стоящій 12 р. Въ этой кражѣ заподозрѣвъ государственнаго крестьянина Гризовецкаго уѣзда, Дмитрія Ивановича Коробковъ и произведенное дознаніе передано Судебному Слѣдователю 2 участка г. Вологды.

2. 27-го Января Романо-Борисоглебскій купецъ Иванъ Полескинъ, заявилъ во 2-ю ч., что изъ балагана его въ ночь на это число покрадено неизвѣстно кѣмъ, разнаго товара на 315 руб. Въ слѣдствіе сего г. Приставъ 2 ч. Носковъ, употребивъ энергическія мѣры, по горячимъ слѣдамъ, къ преслѣдованію преступниковъ въ кражѣ, успѣлъ открыть таковыхъ Вологодскихъ мѣщанъ Ивана Максимова Соловьева, Николая Алексѣева Антонова и Перидекаго подданнаго Юсуфа Вельяна, у коихъ и часть покраденнаго товара отыскана; произведенное дознаніе, вмѣстѣ съ виновниками въ кражѣ передано Г. Судебному Слѣдователю 2 участка.

Продается деревянный двухъ-этажный домъ съ флигелемъ, съ надворнымъ строеніемъ и землею мѣщаники Щепетковой, въ 1 части на берегу рѣки Вологды близъ церкви св. Кирилла Нозерскаго.—1.

10, 15 и 18 Февраля сего года учителемъ Французскаго языка Десево будутъ прочитаны въ залѣ Гимназіи 3 публичныя лек-

ціи по предмету французской литературы.

Начало въ 7 часовъ по полудни.

Плата за 3 лекціи 1 рубль.

Билеты можно получать въ Екатерининской улицѣ въ домѣ Кузьминой, въ квартирѣ Десево. 2.

О ПРИБЪХАВШЕМЪ

съ 4 -го по 11 -е Февраля 1867 года.

Изъ С.—Петербурга
Вологодскій 1-й гильдіи купецъ Павелъ Александровичъ Вѣлозеровъ.

ПОПРАВКА

Въ 5-мъ №, въ статьѣ „Зырянскія преданія“ въ началѣ, съ шестой строки, слѣдуетъ читать такъ: Какъ народъ, не ознаменовавшій своего существованія никакими историческими памятниками, и разбѣжавшій отъ своихъ предковъ и грубые нравы, и въковыя предрассудки, и мирную безцѣльность невѣжества, Зыряне не имѣли лѣтописца, который-бы описалъ для потомства первоначальное ихъ состояніе, условія общежитія и знаніе между народами сосѣдственными. Это-то неимѣніе историческихъ данныхъ служитъ причиною того, что происхожденіе Зырянъ осталось и до сихъ поръ загадочнымъ, затерявшись вмѣстѣ съ письменностію ихъ въ вѣкахъ минувшихъ. Зыряне искони—и т. д.